

Сенглеев Борис Юрьевич

**Исторические предания и легенды о Мазан-батыре у
калмыков: эпическая биография**

10.01.09 – Фольклористика

Автореферат

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Москва
2019

Работа выполнена в отделе фольклора ФГБУН «Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской Академии наук»

Научный руководитель:

доктор филологических наук Владимир Леонидович Кляус

Официальные оппоненты:

Хабунова Евдокия Эрендженовна, доктор филологических наук, профессор кафедры фольклора и социально-культурной деятельности Института калмыцкой филологии и востоковедения, директор Международного научного центра «Культурное наследие монгольских народов» ФГБОУ ВО "Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова"

Петров Никита Викторович, кандидат филологических наук, заведующий Лабораторией теоретической фольклористики Школы актуальных гуманитарных исследований Института общественных наук Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

Ведущая организация:

ФГБУН Калмыцкий научный центр Российской академии наук.

Защита состоится 29 января 2020 г. в 14-00 часов на заседании диссертационного совета Д.002.209.04 на базе ФГБУН «Институт мировой литературы имени А.М. Горького» Российской академии наук по адресу: 121068, г. Москва, ул. Поварская, д. 25а.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке ФГБУН «Институт мировой литературы имени А. М. Горького» Российской академии наук по адресу: 121068, г. Москва, ул. Поварская, д. 25а и на официальном сайте института по адресу: http://imli.ru/images/Diss_2019_Sengeleev/disser.pdf

Автореферат диссертации разослан « ___ » _____ 2019 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Т. В. Говенько

Введение

Актуальность исследования. Мазан-батыр – историческое лицо XVII века, калмыцкий тайши и полководец, ставший одним из самых популярных героев несказочной фольклорной прозы. Его образ фигурирует в легендах, исторических преданиях и песнях; есть свидетельства, что его образ даже фигурирует в практиках ритуально-магического характера. Посвященные данному герою произведения устной культуры могут рассматриваться как отдельный фольклорный цикл, демонстрируя достаточно высокую степень метатекстуального единства на уровне сюжетов, мотивов и характере изображения основных персонажей.

Калмыцкая несказочная проза длительное время находилась на периферии исследовательского интереса. Подобное положение начало изменяться лишь с началом нового тысячелетия. Показательным в этом отношении является издание ряда крупных сборников соответствующих текстов: «Семи звезд» Д. Э. Басаева (2004, 2007) калмыцкого раздела IV тома серии «Памятники фольклора монгольских народов» (2015), а также I тома Свода калмыцкого фольклора «Мифы, легенды и предания калмыков» (2017). Среди преданий и легенд, размещенных в данных публикациях, присутствует немало текстов, посвященных Мазан-батыру, что свидетельствует о популярности данного образа в традиционной культуре.

В теоретическом плане данная традиция остается сравнительно малоизученной. Отдельные аспекты фольклорного цикла о Мазан-батыре рассматривались в трудах Б. Б. Оконова и Н. Ц. Биткеева (исторические песни), Т. Г. Борджановой (легендарный сюжет о борьбе с драконом-громовержцем Лу и магическая поэзия) и Д. Э. Басаева (как элемент проблемного поля жанров легенды и предания в калмыцкой традиции в целом). Число же фольклористических исследований, для которых предания и легенды о Мазан-батыре являются основной темой сравнительно невелико.

Первая попытка анализа «мазановского» цикла была предпринята С. В. Фарфоровским в комментарии к историческому преданию о борьбе героя с иноземным богатырем Байхтан-Эретыном, опубликованном исследователем в статье «О двух любимых богатырях калмыцких». В силу своей теоретической слабости и краткости данная заметка представляет преимущественно исторический интерес. Начало предметного изучения исторического фольклора о Мазане приходится на гораздо позднюю дату: 80-х годов XX века, когда выходит в свет статья А. Ш. Кичикова «Жанровое своеобразие повествования о Мазан-баатаре в аспекте калмыцко-башкирских межэтнических связей» (1983). В данной исследовании впервые высказывается мысль о том, что различные произведения, посвященные данному герою, представляют собой самостоятельный цикл («жанрово-тематический конгломерат», включающий поэтический и прозаические элементы), и отмечается сильное влияние эпической традиции.

Среди других научных работ нужно также назвать исследования Б. Б. Горяевой «О личности легендарного Мазан-батыра» [Горяева 2004] и Т. Э. Цекеевой «Образ Мазан-батыра в калмыцком устном народном творчестве» [Цекеева 2004], написанных по материалам научно-практической конференции, приуроченной к 350-тилетию со дня рождения исторического Мазан-батыра, которое праздновалось в Республике Калмыкия в 2004 г. Оба исследования посвящены обзору сюжетов преданий и легенд о Мазане.

В условиях коренной трансформации калмыцкой устной культуры и продолжающего размывания традиционных форм фольклора представляется назревшей необходимостью провести более тщательного анализа данного феномена устной культуры.

Основной целью исследования является подробное рассмотрение наиболее распространенных категорий легенд и преданий о Мазан-батыре и определение основных особенностей этих фольклорных произведений. Речь идет, в частности, о характере изображения центрального действующего лица, выделении сюжетной

структуры и популярных мотивов, определении основных характеристик сюжета и взаимосвязей между различными группами текстов.

Для достижения поставленной цели решаются следующие **задачи**:

1. Проведение обзора истории собирания и публикации калмыцких легенд и преданий, а также историографическое рассмотрение предшествующих работ, в которых затрагивается исторический и легендарный фольклор о Мазан-батыре.
2. Рассмотрение преданий о героическом детстве (становлении героя) в цикле о Мазан-батыре (анализ сюжета, выделение его структуры, определение основных характеристик героя в детском состоянии, определение основных закономерностей перехода во взрослый статус после совершения первого подвига).
3. Рассмотрение группы преданий о борьбе Мазан-батыра с богатырем-иноземцем и выделение основных особенностей (определение потенциальных исторических прообразов фигуры противника героя, рассмотрение композиционных звеньев сюжета с выделением устойчивых и вариативных элементов, выделение основных черт образа Мазан-батыра и богатыря-иноземца).
4. Рассмотрение группы менее популярных повествований о Мазан-батыре: об участии героя в междоусобной войне (особое внимание уделяется взаимоотношениям этой группы преданий с исторической действительностью и характеристикам героя) и легендарных сюжетов (об испытании храбрости, о борьбе с драконом-громовержцем и о защите тридцати трех калмыцких батыров от враждебного мифологического персонажа).

Объект настоящего исследования — ряд наиболее популярных групп фольклорных повествований о Мазан-батыре, выделяемых на основании сюжетно-тематических признаков:

предания о героическом детстве;

предания о борьбе с богатырем-иноземцем;

предания о войне против Аблая-тайши;

легенды о Мазан-батыре;

В отдельных случаях в качестве дополнения также привлекаются тексты смежных жанров (прежде всего исторической песни), в которых фигурирует образ Мазан-батыра.

Предметом исследования — основные характеристики фольклорных повествований о Мазан-батыре: популярные сюжеты, их структура и порождающие модели, темы и устойчивые мотивы, метатекстуальные черты образа героя, межжанровые взаимосвязи и отражение исторических событий в фольклорных текстах.

Ключевые понятия работы.

В определении исторического предания мы склонны опираться на определение, предложенное С. Н. Азбелевым: «...созданный устно, имеющий установку на достоверность эпический прозаический рассказ, основное содержание которого составляет описание реальных или вполне возможных фактов» [Азбелев 1965].

Легенда понимается нами вслед за В. Я. Проппом как устный прозаический рассказ, «содержание которого прямо или косвенно связано с господствующей религией» [Пропп 1998]. Необходимо отметить, что в оригинальном контексте речь шла о христианстве; в работе под религией имеется в виду комплекс традиционных сакральных представлений калмыков, сочетающий элементы канонического буддизма и так называемой «народной религии».

Совокупность фольклорных произведений, где фигурирует Мазан-батыр рассматривается нами как целостный *цикл* этого героя. Данная концепция основывается на идеях А. Ш. Кичикова, который впервые рассмотрел тексты о

Мазан-батыре как «многожанровый комплекс произведений» (в составе которого выделяются «комплекс преданий» и «историко-песенный цикл») или «жанрово-тематический конгломерат» в своей статье 1983 г.

Для характеристики образа героя существенно понятие *трикстерская уловка* или *трикстерское поведения* – хитрость, с помощью которой герой продуцирует выгодные для себя действия своего противника. Это понятие восходит к модели сказочного трюка выделенного Е. С. Новик [Новик 1993], и понимается как проявление хитрости, которая позволяет герою добиться победы, манипулируя вниманием противника. Термин «трикстер» в данном случае не следует понимать в русле стадильной классификации фольклора; скорее имеется в виду тип персонажа, основным оружием которого является хитроумие.

Наконец, важную роль в исследовании играет понятие *фольклорная компрессия* или *обобщение*, фигурирующее в работах Б. Н. Путилова и С. Ю. Неклюдова. Речь идет о процессе при котором ряд исторических событий трансформируется устной традицией в единое «макрособытие», лежащее в основе сюжетов фольклорных текстов [Неклюдов 2003].

Основным материалом для исследования является совокупность текстов легенд и преданий о Мазан-батыре различного происхождения:

1. Архивные материалы (Научный архив Калмыцкого научного центра, Национальный архив Республики Калмыкия).
2. Представленные в открытом доступе материалы проекта «Документирование калмыцкого культурного наследия» («Kalmyk Cultural Heritage Documentation Project») отдела исследований Монголии и Внутренней Азии Кембриджского университета (Mongolia and Inner Asia Studies Unit (MIASU) at University of Cambridge).
3. Собственные полевые записи, сделанные во время экспедиционных выездов в Калмыкию в период с 2015 по 2018 г. (пос. Яшкуль, г. Элиста).

4. Тексты, опубликованные в научных изданиях фольклора (серии «Хальмг туульс», «Памятники фольклора монгольских народов», «Өвнкрин зөөр», сборник преданий и легенд «Семь звезд», «Свод калмыцкого фольклора», материалы Н. О. Очирова, изданные в «Мөңк дееж» и др.).
5. Фольклорные материалы, собранные и опубликованные калмыцкими писателями (С. К. Каляев, Х. Б. Сян-Белгин, А. Э. Тачиев, Н. Ч. Гедеев и др.) с 60-х годов XX в.
6. Фольклорные материалы, представленные в периодической печати (в том числе и самозаписи носителей традиции).

Предполагается, что в исследовании удалось охватить основной массив фольклорных текстов, посвященных Мазан-батыру, записанных и опубликованных в период активной фиксации калмыцкого фольклора (с конца XIX – начала XX в. и по наши дни).

Основной **критерий отбора** текстов – присутствие в них фигуры Мазан-батыра. Известная вариативность сюжетной роли героя, который может выступать как центральным персонажем, так и девτεραгонистом или даже эпизодическим персонажем, не оказывающим влияния на сюжет, не учитывалась.

В качестве сравнительного материала использовались также материалов других жанров (сказок, текстов актуальной мифологии, исторических песен, преданий и легенд, посвященных другим героям и т.д.).

Теоретико-методологическую базой исследования составляют труды отечественных ученых-фольклористов С. Ю. Неклюдова, А. Ш. Кичикова, Б. Н. Путилова, Е. С. Новик, Н. Ц. Биктеева, Т. Г. Борджановой, В. К. Соколовой, С. Н. Азбелева, Д. Э. Басаева, В. М. Жирмунского и Р. С. Липец.

Основные методы исследования.

Основными методами собирания фольклорного материала выступило *глубинное интервью*.

Из методов использованных в работе нужно прежде всего выделить три основных подхода:

Первый – *сравнительно-типологический* метод, обоснованный в трудах Е. М. Мелетинского [Мелетинский 1973], В. М. Жирмунского [Жирмунский 1979] и Б. Н. Путилова [Путилов 1976]. Данный подход позволяет рассматривать цикл Мазан-батыра в контексте других фольклорных традиций как мировых, так и бытующих среди кочевых народов Евразии (включая калмыков).

Второй – *структурно-семиотический* метод, действенность которого обосновывалась в исследованиях С. Ю. Неклюдова [Неклюдов 1999] и Е. М. Мелетинского [Мелетинский 1977]. Данный подход открыл возможность изучение внутренней структуры фольклорных произведений о Мазан-батыре и определение семантических взаимосвязей его компонентами (прежде всего доминантных черт образа героя).

Специфический характер исследуемой традиции: сильное типологическое влияние эпоса и в то же время, достаточно сильная близость сюжетов к историческим реалиям, делает цикл о Мазан-батыре интересным с точки зрения применения *исторического* метода. Речь главным образом идет о поиске соответствия «существенных компонентов» сюжета «фактическому ходу событий» (в том виде, в котором он отражен в данных исторической науки), как это предлагалось С. Н. Азбелевым [Азбелев 1982].

Помимо вышеописанных подходов в работе активно использовался описательный метод, позволивший охарактеризовать основные особенности исследуемой традиции с учетом национального своеобразия калмыцкой культуры.

Научная новизна. Особенности исследования заключаются в том, что в диссертации:

1. впервые проводится подробное исследование сегмента калмыцкого исторического и легендарного фольклора, посвященного конкретному герою (Мазан-батыру);

2. выделяется структура сюжетов, встречающихся в посвященных этому герою легендах и преданиях;
3. изучаются метатекстуальные связи между произведениями различных жанров, включенных в собственный цикл;
4. анализируются связи между фольклорной историей Мазан-батыра и различными событиями калмыцкой истории.
5. рассматриваются взаимоотношения калмыцких легенд и других жанровых образований (сказочной традиции и мифологической прозы).

Теоретическая и практическая значимость исследования проявляется в том, что его положения могут быть использованы для дальнейшего изучения преданий и легенд, а также для подготовки учебных пособий и курсов по калмыцкому фольклору.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Цикл Мазан-батыра неоднороден по своей природе, но испытывает на себе сильное влияние эпической традиции. Это проявляется на уровне сюжетообразования (в том числе в форме трансформации существующих сюжетов в героическом ключе), в характере изображения героя, на лексико-семантическом и структурно-семиотическом уровнях.
2. В преданиях о детстве героя устойчиво реализуется модель героического детства, свойственная как эпическому творчеству в целом, так и конкретно калмыцким и монгольским устным традициям. Мазан-батыр устойчиво изображается как герой «низкого» типа с многочисленным набором отрицательных характеристик, полностью исчезающих во время практически мгновенного перехода во взрослое состояние.
3. Предания о борьбе с богатырем-иноземцем построены на типичных моделях героического эпоса. Образ вражеского батыра во многих отношениях представляет собой обобщенную персонификацию противников калмыков в военных конфликтах раннего периода миграции в Поволжье (XVII–XVIII

вв.). Несмотря на это, завязка конфликта между героями и само столкновение между ними носит преимущественно эпический характер. Мазан-батыр также устойчиво демонстрирует качества трикстера и сверхъестественные способности. Сюжет подобных преданий имеет устойчивую структуру.

4. Предания об участии Мазан-батыра о войне с Аблай-тайши отличаются наибольшей степенью приближенности к данным историографии, что отражается в составе действующих лиц, характере изображения героев и содержании ряда сюжетных эпизодов. Герой в них также сохраняет свои трикстерские характеристики, однако в то же время может проявлять и чисто богатырские качества. Сверхъестественный аспект его образа при этом в значительной степени нивелируется.
5. Легенды о Мазан-батыре на уровне сюжетов и образности восходят к мифологическим рассказам и сказочной традиции, однако претерпевают трансформации под влиянием моделей фольклорной героики. При некотором сохранении трикстерских качеств в изображении Мазан-батыра устойчиво доминируют чисто богатырские черты. Герой изображается в противопоставленности сверхъестественному, при этом сам проявляя качества неземной природы.

Апробация исследования.

Основные положения диссертации были обсуждены на заседаниях отдела фольклора Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН, апробированы в научных статьях и докладах на следующих научных мероприятиях: научно-практической конференции «Традиционное наследие российских калмыков и ойратов зарубежья в современном социокультурном и образовательном пространстве: общее и этническая специфика» (12–13 мая 2018, Элиста), междисциплинарной конференции «Монголы: традиции и современность» (11–13 сентября 2019, Москва), Первых чтений памяти Б. Л. Рифтина (23–25 октября 2019, Москва) и конференции «Национальные картины мира в литературах и фольклоре народов Российской Федерации» (23–25 октября 2019, Москва).

Публикации по теме диссертации. По теме исследования опубликовано 3 статьи в рецензируемых изданиях, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации для опубликования результатов диссертационного исследования (одно из них представлено в базе данных научных периодических изданий Scopus).

Объем и структура диссертации.

Диссертация состоит из введения, четырех глав и заключения, списка сокращений и условных обозначений, списка литературы, включающего в себя 192 отечественных и 6 зарубежных наименований, списка информантов (включая основные сведения о них) и списка архивных материалов. Общий объем работы составляет 232 страниц машинописного текста.

Содержание работы

В разделе **Введение** дается обоснование актуальности темы диссертации, определение объекта и предмета исследования, раскрываются цели и задачи работы, описывается используемый материал, поясняется новизна и научно-практическая ценность исследования, формулируются положения, выносимые на защиту.

Первая глава посвящена истории рассматриваемого вопроса. В силу своеобразных особенностей исследуемой традиции она открывается краткой справкой относительно истории калмыков и основных сведений о жизни исторического Мазан-батыра. После этого проводится обзор собирания и публикации исторического и легендарного фольклора от наиболее ранних фиксаций в исторических сочинениях до основных изданий новейшего периода. Отдельно рассматриваются предшествующие научные работы, посвященные исследуемой традиции.

Установлено, что история фиксации и изучения калмыцкого исторического и легендарного фольклора может быть разделена на несколько периодов. Впервые соответствующие пласты устной традиции попали в поле зрения исследователей в ходе естественно-научных экспедиций Российской Академии наук второй половины XVIII века, деятельность которых была направлена на сбор сведений о территории Российской империи. Ученые этого периода рассматривали фольклор в этнографическом ключе, и попыток анализа устных текстов как самостоятельного феномена не проводилось. По завершении этого периода процесс изучения калмыцкой культуры утратил организованный характер, и продолжался главным образом благодаря усилиям энтузиастов-одиночек (миссионеры, чиновники, музыканты и т.д.). Среди последней категории исследователи нужно отдельно отметить деятельность И. В. Добровольского, среди материалов которого – первое документальное подтверждение существования фольклорной традиции, посвященной Мазан-батыру.

Возобновление научных исследований относится ко второй половине XIX в. В этот период калмыцкий фольклор попадает в сферу интересов истории, лингвистики и этнографии. Исторический и легендарный фольклор при этом по-прежнему не воспринимаются как отдельное явление, однако предания могут использоваться как исторические источники. В этом отношении наибольший интерес представляют работы Г. С. Лыткина, зафиксировавшего сведения о бытовании песен о Мазан-батыре среди зайсангов Эркетеневского улуса.

Первые полноценные фиксации текстов о Мазан-батыре относятся к концу XIX – началу XX века. Данный период характеризуется двумя тенденциями: во-первых, постепенным признанием самостоятельной ценности фольклора и его специфической природы, во-вторых – социально-экономическими сдвигами в жизни калмыцкого народа, которые, в том числе, приводят к появлению первых образованных калмыков, которые достаточно активно включаются в процесс записи образцов традиционного фольклора. Оба фактора адекватно отражает сам состав исследователей, фиксировавших предания и легенды о Мазан-батыре: донской коннозаводчик И. И. Попов, школьный учитель Шургучи Болдырев (его вариант опубликован в 1927 г.), ученый-краевед С. В. Фарфоровский и будущий калмыцкий просветитель Н. О. Очиров.

Советский период в истории изучения калмыцких преданий и легенд также характеризуется неоднородностью основополагающих тенденций. Положительным фактором выступает представление о фольклоре как об искусстве народа (в противоположность аристократии), благодаря которому материалы устной традиции начинают активно записываться и издаваться (преимущественно в формате крупных антологий текстов различных жанров, но также и в периодических изданиях). Изучению традиции в довоенный период способствует проведение массовых культурных мероприятий, связанных с фольклором, от участников которых удается записать немало ценных текстов. Негативным фактором выступают цензурно-идеологические ограничения, из-за которых исторический и легендарный фольклор, героями которого нередко выступают представители знати и сакральные фигуры, становятся неудобным предметом для

исследования. Показательна в этом отношении судьба исследуемой традиции: тексты о Мазан-батыре продолжают записываться, но сам герой определяется исследователями и собирателями как вымышленный персонаж, а произведения о нем – сказками. При этом научного анализа данного пласта фольклора практически не проводится. Исключение представляет лишь комментарий И. И. Кравченко к преданию, помещенному в сборник сказок 1936 г. и упоминание песен о Мазан-батыре Б. Я. Владимирцовым в предисловии к «Монголо-ойратскому героическому эпосу» (1923). Сильное влияние на историю изучения фольклора оказывают ненаучные факторы, прежде всего начало Великой Отечественной войны и депортация калмыков в Сибирь в 1943 году, прервавшие соответствующие процессы почти на два десятилетия.

В послевоенный период в Калмыкии основываются специальные научные структуры, развивающие активную деятельность по собиранию и изучению фольклора. Пик экспедиционной деятельности приходится на 60-70-е годы XX века. В ходе данных мероприятий удается зафиксировать множество ценных образцов устной традиции, в том числе относящихся к «мазановскому» циклу. Многие из этих материалов будут изданы в различных сборниках фольклора, прежде всего серии «Хальмг туульс» («Калмыцкие сказки») (1961, 1968, 1972, 1974). В процессе фиксации фольклора о Мазан-батыре участвуют и калмыцкие писатели, среди которых нужно отметить С. К. Каляева, Х. Б. Сян-Белгина и Э. М. Кектеева, которым удается зафиксировать немало уникальных текстов, посвященных этому герою.

В послевоенный период начинают появляться научные работы, в которых затрагивается исследуемая традиция. В 1964 году калмыцкий историк М. Л. Кичиков оспаривает тезис об отсутствии у героя реального прототипа в своей статье «О калмыцком герое Мазан-батыре», опираясь на различные исторические свидетельства о реальном тайши Мазане. Позднее отдельные аспекты «мазановского» цикла рассматриваются в статьях различных исследователей: А. Ш. Кичикова (1976, 1983), Б. Э. Мутляевой (1982), Н. Ц. Биткеева (1987) и Б. Б.

Оконова (1984). Однако в целом интерес исследователей носит ограниченный характер.

Современный период в истории калмыцкой фольклористики характеризуется повышением интереса к ранее неизученным пластам устной традиции, в том числе циклу о Мазан-батыре. С одной стороны, это проявляется в увеличении числа публикаций соответствующих текстов, как хранившихся в архивах, так и записанных в современный период (материалы советских экспедиций, архивы писателей и т. д.). С другой стороны, начинается осмысление проблемного поля калмыцкой сказочной прозы, в том числе и исследуемой традиции. В 2004 году в Калмыкии проводится научно-практическая конференция, посвященная 350-летию юбилею исторического Мазан-батыра, что способствует изучению традиции. Из основных научных работ этого периода можно отметить статьи Д. Э. Басаева (2004, 2015), Т. Г. Басанговой (2017), Б. Б. Горяевой (2004) и Т. Э. Цекеевой (2004).

Во **второй главе** рассматриваются повествования о детстве героя. Делается вывод, что начальный период фольклорной биографии Мазан-батыра в значительной мере соответствует типологической модели эпического детства «низкого» типа, характеризующегося обилием отрицательных признаков, и присущего героям с чертами трикстера и колдуна (подобная особенность соответствует метатекстуальным свойствам образа взрослого Мазана). Близость эпосу свойственна всему «мазановскому» циклу, но в детских нарративах она является максимальной. Соответствующие предания полностью построены по лекалам героической поэзии, как на уровне структуры, так и содержания.

На уровне семьи героя, доминирующей является тема эпического сиротства. У Мазана часто отсутствует отец, а в качестве опекуна-воспитателя фигурирует дядя (как правило, по отцовской линии). В тех случаях, когда подобные мотивы не реализуются, тяжелое положение героя-ребенка принимает другие формы: бедность родителей, их старость, низкий социальный статус его рода и т. д. Подобные мотивы противоречат реальному положению вещей (Мазан

принадлежал к калмыцкой знати и даже был родственником ханской династии), и, вероятно, их устойчивость носит типологический характер.

В отношении *личных характеристик* детского состояния Мазана активно разрабатывается тема «неудачного» ребенка. Будущий герой страдает от физических диспропорций (части тела либо слишком малы, либо, наоборот, гипертрофированны), умственной неполноценности (глупость, неуклюжесть, пренебрежение социальными нормами) и различных негативных черт характера (лень и гиперболизированная прожорливость). Сочетание этих признаков может даже придавать детскому образу Мазана демонические свойства. Однако параллельно с данными свойствами, в преданиях присутствует довольно развитое представление о божественной природе героя. В нарративах о детстве данная тема выражается в мотивах чудесного зачатия и рождения Мазана (предсказаний о будущем величии героя или особых предписаний родителям, которые необходимо соблюсти ради его рождения). Присутствуют в описаниях детства и признаки будущего богатырства героя – игры-тренировки с луком, корреспондирующие необычайно меткости Мазана-взрослого. Любопытно, что сам герой и члены его семьи скрывают подобные занятия, что, возможно, представляет собой попытку традиции рационализировать кажущееся противоречие между детским убожеством героя и его скрытой силой.

На уровне взаимоотношений с обществом доминирует тема *недооценки* Мазана, порой переходящая в открытую враждебность. Особо сильно данное явление обостряется в матримониальном контексте: Мазан воспринимается как неподходящий жених, члены рода невесты оскорбляют героя, недооценивают его или даже пытаются погубить косвенным образом. После первого подвига (героического деяния) подобное отношение полностью инвертируется. Внешняя слабость сменяется богатырской силой и храбростью, а окружающие признают его доблесть и героический статус. При этом проявление сил героем всегда носит взрывообразный характер, резко контрастируя с его прежней слабостью, что соответствует «низкому» типу детства. По своему содержанию детские подвиги

Мазана также соответствуют эпической традиции: борьба за обладание скотом, добывание богатырского лука или коня, победа над диким зверем и т. д.

Отдельно рассматривается героическое детство других персонажей цикла – сыновей Мазан-батыра, а также вражеского богатыря, который противопоставит ему во взрослом состоянии. Показывается, что соответствующие описания также основаны на модели героического детства. При этом наиболее частыми мотивами здесь являются сиротство (в форме разлуки с родными), необычайная сила и меткость. Можно сделать вывод, что в данных случаях реализуется скорее «высокая» модель героического детства.

В **третьей главе** рассматривается наиболее популярная группа преданий о Мазан-батыре, в которых он побеждает могучего иноземного батыра. Предания данной группы в сюжетно-тематическом отношении близки к произведениям классического эпоса, что отражается в некоторых сюжетных особенностях данного пласта исследуемой традиции.

Фигура *богатыря-иноземца* представляет собой собирательный образ противника в войнах времен миграции калмыков в Поволжье и образования Калмыцкого ханства. Конкретная идентичность антагониста нестабильна, он может отождествляться с представителями разных этнических групп (влияния на сюжет это практически не оказывает). Данная особенность сюжета рассматривается как проявление феномена фольклорной «компрессии», при которой разновременные и продолжительные события сводятся в одно (в данном случае – почти вековой объем военных конфликтов трансформируются во вражду между двумя батырами). При этом основная сюжетная коллизия носит сугубо эпический характер – герои сражаются из-за скота (обычно речь идет о табуне маралоухих коней), вопросов личной доблести и славы.

Самому Мазан-батыру в настоящем сюжете свойственны трикстерские качества: физическая слабость (по сравнению с богатырем-иноземцем), необычайная проницательность и способность манипулировать противником так, чтобы открыть возможность для достижения победы над ним. Выделяются

повторяющиеся уловки, благодаря которым герою удается нейтрализовать превосходство антагониста. Чисто богатырские качества в образе Мазана представлены необычайной меткостью, а также указаниями на исполинские физические габариты. Помимо этого, герой также демонстрирует признаки сверхъестественного существа. Последний аспект выражается в основном в виде мотиве условного бессмертия героя (способности воскреснуть из мертвых при соблюдении ряда условий), мотивах демоноборства Мазана и представления о его связи (иногда родственной) с высшими силами.

Богатырь-иноземец выступает как воплощение дикой, необузданной мощи, что также сближает его с эпическим антагонистом. Он превосходит Мазан-батыра в грубой силе, а также часто наделяется неуязвимостью (как имманентной, так и в форме непробиваемых доспехов). С последней особенностью органично сочетается свойственная ему устойчивость к повреждениям (например, он сохраняет возможность сражаться даже после того, как герой срезает ему голову).

Отмечается также, что сюжет о борьбе с богатырем-иноземцем обладает устойчивой структурой, состоящей из предварительной встречи между будущими противниками (часто носящей дружеский характер), в ходе которой устанавливается превосходство богатыря-иноземца, поединка (как правило включает в себя непосредственное похищение скота, победу Мазана, одерживаемую с помощью трикстерского приема, осквернение тела побежденного) и финального эпизода гибели Мазан-батыра от рук мстящих за отца сыновей батыра-иноплеменника.

Четвертая глава посвящена менее популярным группам текстов о Мазан-батыре: преданиям об участии героя в войне против Аблаем-тайши и посвященных ему легендам. Причиной подобного объединения является то, что подобные тексты известны лишь в сравнительно небольшом числе фиксаций.

Особенностью преданий о войне с Аблаем является их сравнительная реалистичность (насколько это понятие вообще применимо к устной традиции). Герой изображается предводителем войска (а не одиноким батыром), при этом он

использует тактические приемы, имеющие прямые аналоги в традиционном военном деле монгольских народов. В подобных преданиях Мазан-батыр также обычно не является единственной центральной фигурой, и наряду с ним в них появляется множество других действующих лиц, в своей основе восходящих к историческим лицам. Чаще всего речь идет о хошутском тайше Аблае и его сыне Цагане, которые выступают в роли антагонистов, а также о калмыцком хане Аюке и его союзниках – тайши Боке и Дугаре (которые участвовали в историческом событии, лежащем в основе данного сюжета).

Высокая степень приближенности к историческим реалиям не исключает влияния типологических фольклорных моделей, но напротив делает их более заметными. Например, Мазан и главный антагонист (т. е. Аблай или Цаган) изображаются в гиперболизированной форме, нередко решая исход сражения одним своим присутствием. Подобное расширение роли героя может быть связано с феноменом распределения ролей в героической поэзии (Аюка выступает в роли эпического государя, Мазан – главным богатырем). Хорошо заметны в данной группе преданий и феномены фольклорной компрессии: война с Аблаем может объединяться с миграцией в Поволжье и возвращением Аюки-хана из Джунгарии, после многолетнего пребывания при дворе своего деда Эрдэни-Батура и т. д.

В структурном отношении предания о войне с Аблаем-тайши не демонстрируют большой степени единообразия, свойственной другим «мазановским» нарративам. Ядром сюжета выступает прямое столкновение между враждующими сторонами, однако в зависимости от текста исход конфликта может решаться как битва двух армий, так поединок между лучшими воинами (варьируется при этом и характер действий Мазана: в одних случаях он берет верх с помощью боевого мастерства, в других – с помощью трикстерской уловки). Повествования демонстрируют явную тенденцию к разрастанию сюжета за счет инкорпорации нарративов, посвященных другим действующим лицам (часто восходящих к другим преданиям и легендам, например о Галдаме или богатыре Зомбаре).

Легенды о Мазан-батыре весьма гетерогенны по своему составу. Можно выделить три основные разновидности подобных нарративов. Наиболее популярными являются повествования об испытании храбрости Мазан-батыра. Данный сюжет в своей основе близок мифологическим рассказам, однако перестроен таким образом, что акцент в нем делается не на контакте с потусторонним, а на необычайных личных качествах героя (его храбрости). Подобная особенность позволяет говорить о влиянии эпоса на данную традицию. Легенды подобного типа отличаются весьма устойчивой структурой (очевидно, восходящей к жанру-первоисточнику): показательно, что первая фиксация этого сюжета, сделанная в начале XX века, практически не отличается от варианта, записанного нами в 2015 г.

Вторая группа легенд посвящена борьбе Мазан-батыра с драконом-громовержцем Лу. С точки зрения прагматики фольклора данный нарратив объясняет возникновение заклинания защиты от молний, используемого родовой группой шар меркит. В типологическом отношении повествование близко калмыцкой сказочной традиции, но его сюжет трансформирован в эпико-героическом ключе. Мазан активно проявляет качества трикстера и ясновидца, а позднее побеждает Лу в личном поединке. К сожалению, небольшое число фиксаций данного сюжета (всего два варианта) не позволяет нам делать обоснованных выводов относительно структуры данного нарратива.

Враждебность по отношению к потустороннему прослеживается и в группе легенд о встрече Мазан-батыра с шулмусом, которые обычно связаны с повествованиями о тридцати трех батырах. В повествованиях подобного типа различные герои калмыцких преданий и легенд осмысливаются как соратники в рамках одного коллектива. Наблюдается тенденция к присвоению каждому из них определенных сюжетов, не встречающихся за пределами подобных нарративов. В случае Мазан-батыра это борьба со злым духом шулмусом; в этом контексте он вновь демонстрирует черты ясновидца и демоноборца. Типичный сюжет легенды выглядит следующим образом: возвращаясь из похода в чужие земли калмыцкие батыры сталкиваются с враждебным мифологическим существом (часто

имеющим также признаки иноземца), которое пытается причинить им вред. Мазану удается распознать козни враждебной силы, после чего он пытается остановить ее. Итог повествований может варьироваться: в некоторых текстах герою удается нейтрализовать угрозу, но как минимум в одном из них калмыцкие батыры погибают.

В заключении излагаются выводы, сделанные на основе проведенного исследования.

Работы, опубликованные в ведущих рецензируемых журналах, утвержденных ВАК:

1. Сенглеев Б. Ю. Мазан-батыр – эпический герой в калмыцком фольклоре // Традиционная культура. 2017. № 4 (68). С. 170–181
2. Сенглеев Б. Ю. Героическое детство в фольклорном цикле мазанбатыра // Традиционная культура. 2019. Т. 20. № 3. С. 119–130
3. Сенглеев Б. Ю. Черты трикстера в образе Мазан-батыра (на материале калмыцкого фольклора) // Studia Litterarum. 2019. Т. 4. № 3. С. 330–351. DOI: 10.22455/2500-4247-2019-4-3-330-351